

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Амбарцумян К. Р. Рекреационная политика советской власти и курортная повседневность городов Кавказских Минеральных Вод в 1920—1930-е годы / К. Р. Амбарцумян, Т. А. Булыгина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 341—358. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-341-358.

Ambartsumyan, K. R., Bulygina, T. A. (2026). Soviet Recreational Policy and Everyday Life of Mineral Water Resorts in Caucasus during 1920s and 1930s. *Nauchnyi dialog*, 15 (2): 341-358. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-341-358. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Рекреационная политика советской власти и курортная повседневность городов Кавказских Минеральных Вод в 1920—1930-е годы

Амбарцумян Каринэ Размиковна

orcid.org/0000-0002-9397-6197
кандидат исторических наук, доцент,
департамент мировой политики
и зарубежного регионоведения,
корреспондирующий автор
karina-best21@mail.ru

Булыгина Тамара Александровна

orcid.org/0000-0003-1846-9360
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории России
bul.tamara2011@yandex.ru

Северо-Кавказский
федеральный университет
(Ставрополь, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
(№ 24-18-20073),
<https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

Soviet Recreational Policy and Everyday Life of Mineral Water Resorts in Caucasus during 1920s and 1930s

Karine R. Ambartsumyan

orcid.org/0000-0002-9397-6197
PhD in History, Associate Professor,
Department of World Politics
and Foreign Regional Studies,
corresponding author
karina-best21@mail.ru

Tamara A. Bulygina

orcid.org/0000-0003-1846-9360
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History
bul.tamara2011@yandex.ru

North-Caucasus Federal University
(Stavropol, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 24-18-20073,
<https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

© Амбарцумян К. Р., Булыгина Т. А., 2026

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье реконструируется курортная повседневность городов Кавказских Минеральных Вод в первые два десятилетия правления советской власти. Значительную часть источниковой базы исследования составили документы двух региональных архивов — Государственного архива Ставропольского края и Государственного архива новейшей истории Ставропольского края. Большинство из неопубликованных источников впервые вводятся в научный оборот. В статье рассматриваются вопросы организации большевиками курортного дела. Новизна исследования видится в постановке проблемы, предполагающей изучение особого вида повседневности в узких территориальных и хронологических рамках. Авторы приходят к выводу, что новая власть руководствовалась исключительно утилитарными целями, поэтому избавила курорты от буржуазного лоска и максимально быстро постаралась превратить их в фабрики здоровья для советских трудящихся. Уделяется внимание процессу формирования новой социальной реальности и новым повседневным практикам отдыхающих. Показан контраст между дореволюционным социальным составом отдыхающих и новыми советскими курортниками. Показано, что повседневность советского курорта может быть представлена с разных ракурсов: материальная база, социальный состав отдыхающих, быт, досуг и лечение.

Ключевые слова:

история повседневности; новая локальная история; Кавказские Минеральные Воды; история курортов; советское общество; рекреационная политика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article reconstructs the everyday life at mineral water resorts in the Caucasus region during the first two decades of Soviet rule. The primary source base consists largely of documents from two regional archives — the State Archive of Stavropol Krai and the State Archive of Recent History of Stavropol Krai. Many unpublished sources are introduced into scholarly circulation for the first time. The study examines how Bolsheviks organized resort activities under their regime. A novelty of this research lies in its focus on a specific type of daily life within narrow territorial and chronological boundaries. It concludes that the new authorities pursued purely utilitarian goals by stripping these resorts of bourgeois glamour and swiftly transforming them into health factories for Soviet workers. Attention is given to processes shaping new social realities and emerging leisure practices among visitors. Contrasts between pre-revolutionary and post-revolutionary clientele are highlighted. Additionally, various perspectives on the daily experience of Soviet resorts are presented, including material infrastructure, social composition of guests, living conditions, entertainment options, and therapeutic treatments.

Key words:

history of everyday life; new local history; Caucasian Mineral Waters; spa town history; Soviet society; recreational policy.

УДК 94(47).084.2/.5+94(470.630)“192/193”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-341-358

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Рекреационная политика советской власти и курортная повседневность городов Кавказских Минеральных Вод в 1920—1930-е годы

© Амбарцумян К. Р., Булыгина Т. А., 2026

1. Введение = Introduction

Советская власть сформировала новое социальное представление о целях и сущности курортной рекреации. В данном исследовании предлагается взгляд на курортную политику в связи с формированием советской повседневности в городах Кавказских Минеральных Вод (КМВ). Большевики принесли с собой новые представления не только о труде, но и об отдыхе и здравоохранении. Они рассматривали курорты как место оздоровления трудящихся, а не гедонизма, как до революции 1917 года: «На курортах, где прежде прожигали жизнь и развратничали тунеядцы, теперь лечатся трудящиеся бедняки» [Октябрьская ..., 1920, с. 29]. Историк Л. А. Кузнецова полагает, что в 1920-е годы советская власть не занималась созданием образа «советского курорта» в массовом сознании. Дискуссии относительно назначения курортов велись преимущественно среди профессионалов и должностных лиц на страницах специализированных изданий, таких как журнал «Курортная хроника». Отдых на курортах стал ассоциироваться главным образом с лечебно-профилактическими функциями учреждений [Кузнецова, 2018, с. 100]. Курорты были превращены «в действительные места лечения из мест разгула, веселья и разврата» — так определял заслуги советской власти нарком здравоохранения Н. Семашко [Семашко, 1923, с. 3]. Изменение курортной политики, безусловно, влияло на курортную повседневность: вводилась строгая дисциплина пребывания больных в санаториях, режим питания и приема бальнеологических процедур.

Тема советской повседневности, в том числе городской, не является новой. Наиболее известны работы Н. Б. Лебиной [Лебина, 1999]. В 2000—2010 годах российскими историками был сформирован обширный комплекс литературы, в которой тема советской повседневности раскрыта в междисциплинарном ключе и представлена изучением отдельных сторон советского быта и нравов, в том числе в курортной среде [Орлов, 2010; Орлов, 2009; Кринко и др., 2011; Барышева, 2018; Соболева, 2018].

Что касается курортной повседневности и рекреационной политики, здесь нет обширной историографии [Кузнецова, 2011; Кузнецова, 2018]. Сама политика в российской историографии представлена работами общероссийского и регионального охвата. Л. Н. Мазур рассматривает курортную политику в контексте реализации большевиками права на отдых [Мазур, 2010]. С институциональной позиции представлена курортно-санитарная политика в 1920-е годы в статье А. В. Морозова [Морозов, 2016]. Отдельные работы позволяют увидеть региональные и локальные особенности советского курорта [Антипова, 2012; Гуменюк, 2016; Динаев, 2017]. Есть примеры исследований курортной политики в городах КМВ, но без выхода на советский образ жизни и повседневные практики [Зольникова, 2016; Владимирова, 2013].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование проведено с использованием материалов архивов Ставропольского края — Государственного архива Ставропольского края [ГАСК] и Государственного архива новейшей истории Ставропольского края [ГАНИСК]. Кроме того, источниковая база статьи представлена опубликованными материалами сборника документов «Голоса из провинции: Жители Ставрополя в 1917—1929 годах». Большинство источников относятся к виду делопроизводственных документов, а именно — деловой переписке представителей разного уровня власти. Анализировались также письма, адресованные гражданами в советские властные структуры.

Методология представлена подходами новой локальной истории, истории повседневности и микроистории. Новая локальная история подразумевает возможность очертить границы отдельного социокультурного пространства с целью выявить черты и уникальные, и типичные. Заявляя о применении подхода, характерного для микроистории, мы следуем в первую очередь принципу итальянского ученого Дж. Леви, который выдвинул тезис: «Микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [Медик, 1994, с. 193].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Начало советского курортного строительства

Контраст между курортом дореволюционным и советским был разительным. В воспоминаниях краеведа М. В. Берниковой, прибывшей на Кавказские Минеральные Воды в 1913 году, Пятигорск был городом сугубо курортным. Сезон открывался 1 мая, и снять жилье на круглый год было трудно, так как в большинстве сдаваемых квартир не было отопления за его ненадобностью в период без курортников [Берникова, 2011, с. 167].

Приезжие селились в гостиницах, квартирах, на дачах, питались в ресторанах и столовых. Лечение было организовано на низком уровне. Больные могли получать ванны без обращения к врачу. Отдыхающие могли требовать две ванны в один день или ванны с «крайними температурами» [ГАСК, ф. Р-2874, оп. 1, д. 7, л. 7—7 об.].

С первых лет советской власти курорты рассматривались как «фабрики здоровья», где восстанавливались трудящиеся. Эту идею хорошо выразил Н. Семашко, который говорил о курортах как о «ремонтных мастерских здоровья трудящихся» [Семашко, 1923, с. 3]. Как место лечения КМВ стали использоваться до советизации. Уже с 1914 года в годы Первой мировой войны Кавминводы служили базой для реабилитации раненых военных. К моменту возвращения красных на Северный Кавказ в 1920 году на курортах региона лечились около 10 тысяч солдат и офицеров [Берникова, 2011, с. 177—178]. К весне 1918 года была установлена советская власть в городах Кавминвод и был создан отдельный курортный Совет во главе с архитектором И. И. Байковым и врачом Н. А. Орловым. 19 января 1919 года Пятигорск заняли белогвардейцы, и Кавказские Минеральные Воды стали лазаретом для солдат Добровольческой армии А. И. Деникина [Владимирова, 2013, с. 123]. В это время в Москве был издан декрет СНК РСФСР от 4 апреля 1919 года «О лечебных местностях общегосударственного значения», по которому все лечебные местности и курорты объявлялись государственной собственностью, передавались в ведение народного комиссариата здравоохранения (НКЗ) и обеспечивались как больницы [Декрет ...]. Когда в марте 1920 года советская власть окончательно закрепилась на Старополе и Тереке, началось восстановление курортов, разоренных гражданской войной. К этому периоду города-курорты Северного Кавказа превратились в обычные провинциальные города, а Эссентуки, Железноводск и частично Кисловодск носили станичный облик. Здесь было организовано лечение раненых красноармейцев. Это сказалось на курортной повседневности, которая теперь приобретала устойчивые признаки больничной.

С введением нэпа в стране стала возможна аренда зданий частными лицами под санатории, появилось курсовое и платное лечение. В результате постепенно на курорт стали приезжать граждане с «курсовками» и платные больные, среди которых были люди состоятельные, нэпманы, постепенно курортная повседневность стала переходить в мирное русло. Появились многочисленные частные «амбулансы» [Мамушин, 1923, с. 109]. В районе отремонтированных бюветов с минеральной водой можно было встретить группы хорошо одетых людей, по восстановленным паркам и терренкурам гуляли отдыхающие, у местных торговцев курортники покупали овощи, фрукты, сладости. Если в курортный сезон 1922 года через

санатории КМВ прошло 13,4 тыс. человек, то в 1925 году — 44,605 тыс. человек, что было выше максимального уровня пребывания курортников 1914 года на 41,192 тыс. отдыхающих. К 1928 году посещаемость отдыхающих на Кавминводах практически удвоилась, достигнув 80,422 тыс. человек [ГАСК, ф. 1236, оп. 1, д. 4, л. 9]. За привлечение платных [Охрана ..., 1922, с. 2] отдыхающих санатории соревновались между собой, так как это было одной из статей дохода. Для таких больных организовывалось питание со «сверхбуржуазным комфортом» и в убранстве жилища использовалась стильная мебель, хотя при этом могли игнорироваться медико-санитарные нормы, что было связано с проблемами в отрасли в целом [Мамушин, 1923, с. 111].

В начале 1920-х годов еще шел процесс выработки программы оздоровления трудящихся на КМВ. Существовал порядок, когда только по прибытии в санаторий больному ставился диагноз и назначалось лечение [Мамушин, 1923, с. 112]. Один из организаторов курортного дела на Северном Кавказе, доктор С. А. Мамушин, был сторонником специализации санаториев и категорически выступал против универсального подхода к больным. Как показала история, его принципы позже возобладали в курортной политике.

3.2. Формирование новой курортной среды: намерения власти и реальная практика

Материальная база первых советских санаториев и амбулаторий оставляла желать лучшего. В послевоенной и постреволюционной разрухе для организации санаториев использовались старые здания, которые адаптировали под новые потребности. На Кавминводах в начале 1920-х годов стали переоборудовать в санатории гостиницы, дачи, частные дома. Восстанавливались старые лечебные и бальнеологические учреждения, среди которых были нарзанные ванны в Кисловодске и грязелечебница в Ессентуках, в период пребывания белых частей превращенная в конюшню [ГАСК, ф. Р-2874, оп. 1, д. 7, л. 8 об]. В Кисловодске появилось 20 новых санаториев [Борисова и др., 2009, с. 31].

В мае 1920 года под санаторий была приспособлена квартира гражданина Эстонии В. В. Грубеннера в Кисловодске. Судя по его письму, в пользу учреждения осталось и все внутреннее убранство. После заключения мирного договора между СССР и Эстонией Грубеннер обратился с просьбой вернуть имущество, в том числе и шторы [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 4, л. 180]. В 1920-е годы начала оформляться практика комплексного сервиса для курортных больных. Дома, квартиры и дачи занимались под самые разные нужды, не только лечебные. В августе 1921 года Кисловодская группа управления КМВ претендовала на помещение в частном доме для открытия

там парикмахерской. Дом располагался в центре бальнеологической группы и был легкодоступен для больных [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 4, л. 475].

В 1930 году в Кисловодске в связи с наплывом амбулаторных и санаторных больных была развернута на сезон сеть столовых и молочно-кофейных пунктов [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 29, л. 157 об.]. В то же время и спектр медицинских услуг мог выходить на пределы лечебного профиля санаториев. В 1926 году санаториям № 1 («1 мая») в Пятигорске, № 10 в Эссентуках, № 16 («Коминтерн») в Кисловодске, № 31 («Дубовая роща») в Железноводске передали зубоврачебные кабинеты [ГАСК, ф. р-1159, оп. 1, д. 7, л. 27]. Конечно, облик городов Кавминвод менялся, но пока это были неблагоустроенные, замусоренные поселения с ограниченными возможностями для релаксации и спартанскими условиями для жизни курортников, каковыми они и оставались до конца 1930-х годов.

Переход курортов из рук в руки во время борьбы за власть и отсутствие эффективного хозяйственного руководства привели к разрушению целого ряда бальнеологических учреждений и сооружений у источников, к утрате хозяйственного и медицинского инвентаря, к превращению парков отдыха в пастбища для скота. Статус города Эссентуки и Железноводск получили только при советской власти, поэтому здесь граница между городским и сельским бытом в принципе отсутствовала. В 1925 году в Железноводске разгорелся скандал: местные жители и работники курорта обсуждали вопрос о том, что разведение коз и свиней вредит курортному делу. На открытом заседании горсовета постановили в двухнедельный срок ликвидировать коз, несмотря на потребность курорта в молоке [ГАНИСК, ф. 5938, оп. 1, д. 1, л. 106]. Дальнейшее разведение именно коз, вредящих клумбам и паркам, было запрещено городским исполкомом. Согласно постановлению горисполкома Железноводска, в курортной зоне содержание любого скота и птицы исключалось, допускалось в других частях только при особом разрешении и наличии для животных соответствующих помещений и только для нужд города [Там же, л. 107].

Новая повседневность формировалась в связи с двумя разнонаправленными трендами: целенаправленной деятельностью государства по построению качественно иного быта и стихийными попытками людей вернуться к старому быту. Вторая тенденция объяснялась нежеланием подавляющего большинства людей иметь «безытный» быт, который был искомым идеалом в государственной политике раннесоветского периода [Воробьева, 2006, с. 28—29]. Однако медленно, но новые явления становились заметными в облике советского курорта. Изменился состав отдыхающих, принципы формирования групп курортников, лечение, питание и досуг. Если до революции в обиходе было понятие «курсовые» [Берникова, 2011, с. 72],

то советская курортная лексика предполагала термин «больные» или «курортные больные» [ГАСК, ф. Р-1159, оп. 1, д. 4, л. 61 об]. Особой группой «больных» стали дети, которых начал принимать санаторий № 20 в Кисловодске. Уже в первые годы существования учреждения в штате были предусмотрены учителя, няня и инструкторы по ручному труду [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 4, л. 61 об].

Стихийность переоборудования старого фонда и налаживания курортного дела, скудное финансирование сопровождалось бытовыми сложностями и нехваткой элементарных вещей. Санаторий № 20 Кисловодска, где лечились дети, в 1923 году не имел достаточного количества кроватей и теплых одеял, отапливался дровами и не имел центрального отопления. Разместить вновь прибывших детей не получалось, так как уже прибывшие спали по два человека на одной кровати. Несмотря на неоднократные устные и письменные обращения руководства санатория, получить требуемое имущество не удавалось [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 4, л. 45—45 об.]. В южных губерниях в 1921 году из-за засухи свирепствовал голод. В этот же санаторий местные дети приходили питаться в столовую как больные. Проверка показала, что несколько человек просто приходили поесть, не пройдя соответствующего медицинского обследования [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 4, л. 61].

Несмотря на изданные декреты, в том числе на охранную грамоту Наркомата здравоохранения РСФСР 1920 года, и придание курортам КМВ общегосударственного значения, поддерживать здесь особую атмосферу советской здравницы сразу не получилось. На повседневном уровне особая курортная среда, даже в Пятигорске и Кисловодске, отступила на задний план. Председатель Терского окружкома РКП (б) С. О. Котляр протестовал в 1925 году против расквартирования в Пятигорске военных частей, так как задачу власти на КМВ он видел именно в создании специфической атмосферы, а военные контингенты и учреждения обостряли жилищный кризис [Письмо секретаря ..., 2009, с. 594]. В 1930 году горком Кисловодска объявил месяц по очистке и приведению курортного города в надлежащий вид. Антисанитарное состояние вынуждало местные власти мобилизовать горожан на борьбу за чистоту. Что касается водоснабжения, например, Кисловодск находился в катастрофическом положении, и горком призывал просто экономить воду [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 29, л. 157 — 157 об].

Советская социальная реальность определила принцип санаторизации больных, реализуемый с первых шагов организации курортного дела на КМВ. Пребывание на курорте не могло быть праздным, оно должно было иметь не только медицинские основания. Выработалось понимание того, что санаторий предполагает реабилитацию после трудовой активности.

Курорт рассматривался многими как награда за ударную работу. Обращение ставропольского профсоюзного работника П. В. Орлова, датированное августом 1922 года, с просьбой о предоставлении санаторной путевки как раз содержит аргументы, отсылающие к тому, что ему необходимо лечение после работы «по ударно-боевому в посевной компании»: «Я письменно прошу Вас во имя справедливости и товарищеской поддержки помочь мне выехать на курорты полечиться. Это для меня вопрос буквально жизни и смерти» [Письмо профсоюзного ..., 2009, с. 88].

Курорт стал также местом притяжения для работы различного уровня управленцев, что повышало социальный престиж КМВ. В 1928 году секретарь Воронцово-Александровского райкома В. Романов просил перевести его на работу в любой город КМВ по причине болезни жены и ребенка, которые нуждались в постоянном медицинском наблюдении [Заявление секретаря ..., 2009, с. 364—365]. Такие письма в Терский губисполком поступали во множестве.

Наряду с усилением лечебной составляющей курорты сохраняли рекреационную функцию. В 1920-е годы на КМВ формировалась особая культура, в том числе досуговая. Проблемой была нехватка средств, а также дефицит компетентных кадров — «культурников». В силу сложности переживаемого времени руководство санаториев не уделяло внимания культурному отдыху больных и подходило к вопросу формально, ограничиваясь организацией однообразных форм [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 29, л. 27], о чем постоянно говорится в документах местных властей.

Культурная политика в отношении курортов меняла постепенно и пространство городов. В 1920-е годы в рамках библиотечного строительства на КМВ основывались библиотеки для курортников. В частности, библиотечное обслуживание курортников было налажено в Кисловодске, и в 1929 году было принято решение на уровне горкома партии о том, что курортная библиотека должна обслуживать не только больных, но и местных жителей. Так что санаторий не ограничился функциями «фабрики здоровья», стал базой культурной революции, поэтому горком распорядился пополнить фонды книгами и периодикой для «нацменов» (национальных меньшинств. — *К. А., Т. Б.*), которых было большое количество среди курортных больных [Там же, л. 87, 91].

Власти действовали уже опробованными способами регламентации в области организации культурного отдыха больных. В 1926 году управление курортов КМВ распорядилось проводить концерты и зрелищные мероприятия только в парках, а не в санаториях. Это требование было близко к больничному распорядку. Зато пребывание больных на воздухе, среди зелени парков было полезным для их здоровья [ГАСК, ф. Р-1159, оп. 1,

д. 7, л. 5 об]. Санитарное просвещение и культурные развлечения наряду с лечением стали неотъемлемой частью санаторного режима, что регулярно повторялось на уровне локальной нормативной документации [Там же, л. 44]. С 1926 года по всему СССР, в том числе и на Кавминводах, для санаторных больных стала вводиться физкультура, под которую отводились специальные площадки в зависимости от возможностей санатория [ГАСК, ф. Р-1159, оп. 1., д. 7, л. 31].

В сравнении с дореволюционным водяным обществом первые советские курортники представляли собой особый контингент. Значительная часть мужчин были замечены в нарушении режима и в пьянстве. В 1925 году в Кисловодске курортное руководство стало бить тревогу по поводу злоупотреблений алкоголем. Из санаториев «Красный октябрь» и «Красный шахтер» было выписано много больных за нарушение режима и пьянство. Лекции и беседы не помогли. Только отправка домой стала действенным средством. Оказалось, что в центре лечебной станции легально продавалась водка [ГАНИСК, ф. 5938, оп. 1, д. 3, л. 185—186].

В результате свертывания нэпа из массы отдыхающих и больных в 1928 году на КМВ исчез так называемый «нетрудовой элемент» [ГАСК, ф. Р-2874, оп. 1, д. 7, л. 9], одновременно расширилось число бесплатных и льготных больных. Еще в июле 1922 года 60 % бесплатных мест было передано профсоюзам, а 40 % предназначалось ответственным советским и партийным работникам, инвалидам и детям. Для красноармейцев была своя квота: в 1922 году она составила 1200 коек [Мамушин, 1923, с. 111]. К концу 1920-х годов усилился контроль над социальным составом и отдыхающих, и персонала курортов. В 1928 году бюро Кисловодского района признало «окоммунизирование персонала» недостаточным, среди санаторных служащих Центрального управления социального страхования (впоследствии ВЦСПС. — *К. А., Т. Б.*) только 7 % составляли коммунисты [ГАСК, ф. Р-1236, оп. 1, д. 29, л. 51]. Контроль над приезжающими в города-курорты постепенно превратил Кисловодск в 1930-е годы в закрытый город.

3.3. Старое и новое в курортной политике и повседневности КМВ 1930-х годов

В 1930-е годы возросло число как санаторных, так и амбулаторных больных, в связи с этим требовались дополнительные площади, поэтому во время каникул («вакаций») арендовались помещения школ и детских садов [Там же, л. 54]. Иногда по особой протекции амбулаторных больных прикрепляли для получения процедур к санаториям.

В начале 1930-х годов началось активное строительство новых санаториев, особенно с 1932 года, в том числе ведомственных. Однако плановое

строительство началось с 1935 года, когда был принят генеральный план застройки городов-курортов КМВ. После 1935 года в Железноводске началось строительство новой грязелечебницы, в Ессентуках была основана физиолечебница, в Пятигорске в 1936 году — заложена первая в СССР радиолечебница [Ганштак, 1935, с. 50]. Благодаря созданному на базе до-революционного Бальнеологического общества в 1920 году Бальнеологическому институту в 1930-е годы были открыты новые лечебные ресурсы, в том числе и новые минеральные воды. Повседневность курортников стала существенно меняться при строительстве новых санаториев, архитектурно украшавших курортные города и создававших благоустроенный быт курортников. Это в 1936 году санаторий имени С. М. Кирова наркомата земледелия СССР, а также санаторий 1937 года им. С. Орджоникидзе в Кисловодске. В то же время тогда завершилось создание системы закрытых санаториев для руководителей страны.

Вместе с тем к моменту принятия постановления ЦК ВКП(б) 1935 года о генеральной реконструкции Кавказских Минеральных Вод [Зольникова, 2019, с. 108—109] коммунальное состояние курортных городов по-прежнему оставляло желать лучшего. Антисанитария, отсутствие коммунальных удобств приводили к тому, что на курортах свирепствовал педикулез, увеличилось число больных тифом. Например, в 1933 году среди больных пансионата «Гранд-отель» в Кисловодске было два случая заболевания сыпным тифом. Всего в 1933 году переболел 71 человек из отдыхающих [ГАСК, ф. Р-2739, оп. 1, д. 72, л. 3].

В борьбе за чистоту проводились субботники и даже месячник культурного похода. Очищались от мусора улицы, проводилась дезинфекция санаторных строений и подвалов, сажались цветы и деревья, велась борьба с бездомными домашними животными на территории лечебных учреждений, наводился порядок в уборных, ваннах, комнатах отдыха и т. д. [Там же, л. 59—60].

Курортные больные часто официально выражали свое недовольство условиями. В 1933 году санаторные отдыхающие Попов и Кисляков адресовали жалобу на состояние кавказской здравницы сразу на имя Сталина. Суть их претензии состояла в том, что город Кисловодск «завшивел», а мыла в городе нет, и городскую баню топить было нечем. Другой причиной их недовольства был дефицит электричества, поэтому по вечерам курортники пребывали в темноте и в палатах, и на улицах: «Товарищ Сталин, неужели на 17-м году революции мы должны быть вшивыми и ходить по улицам Кисловодска на ощупь» [Там же, л. 9]. Как свидетельствует письменное объяснение уполномоченного наркомздрава по Кисловодскому курорту А. Хмурого, жалоба была обоснованной [Там же, л. 11—12].

Дело в том, что рост курортов и числа отдыхающих создавал нагрузку на системы электроснабжения, которые в 1930-х испытывали кризис [Ганштак, 1935, с. 51—53]. Поэтому в городах-курортах местная власть вводила режим жесткой экономии. В 1934 году по Кисловодскому курорту изымались лампочки с высоким потреблением энергии, в палатах запретили использовать вторые и настольные лампы, утюги, электрические лампочки и т. д. Ограничивался в потреблении электроэнергии персонал курорта, постоянно проживающий на территории лечебных учреждений [ГАСК, ф. Р-2739, оп. 1, д. 61, л. 36]. Проблема с электроэнергией стояла столь остро, что даже в санаториях Кисловодска вечером больные не читали и не выходили на улицу [ГАНИСК, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 17]. Массовые жалобы больных поступали после сбоев в отпуске электропроцедур [ГАСК, ф. Р-2739, оп. 1, д. 72, л. 3].

Были сложности с водоснабжением. Более или менее ситуация с водой была удовлетворительной в Пятигорске. В Кисловодске при большом водозаборе ряд домов воду попросту не получал, нестабильно снабжались Эссентуки и Железноводск. В 1930 году в Железноводске был построен новый водопровод, но в это же время расширился курорт, и дефицит воды ликвидировать не удалось даже в 1935 году [Ганштак, 1935, с. 51—53]. Что касается канализации, то по архивным данным в 1934 году в Кисловодске была устроена канализация всего в 5,3 % домовладений, а в основном население пользовалось выгребными ямами, которые создавали угрозу минеральным водам. Сброс имевшейся канализации происходил, как правило, недалеко от ванн [ГАНИСК, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 17]. В этот же период на курортах Северного Кавказа слабо внедрялось паровое отопление, поэтому ряд зданий курортов продолжал отапливаться дровами [ГАСК, ф. Р-2739, оп. 1, д. 61, л. 37].

Все эти сложности понимали руководители Северо-Кавказского края. Нерешенные вопросы особенно остро встали в связи с переводом столицы края в Пятигорск. Для реализации плана реконструкции КМВ были созданы специальные мастерские во главе с архитектором профессором Н. В. Семеновым [ГАНИСК, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 8]. Города КМВ делились на жилой и курортный район. Кроме того, предусматривалась промышленная зона и административно-политический центр. Главной задачей этого плана было полностью сохранить каждый из городов-курортов с уникальностью их природы и источников и одновременно создать удобное и комфортное проживание их гостей и жителей [ГАНИСК, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 8—9].

На совещании, посвященном вопросу развития курортов Кавминвод, прямо указывалось, что от роста населения и активного строительства санаториев все больше отстает городское благоустройство. Наиболее запущенное

состояние во всех направлениях коммунального хозяйства от водоснабжения до озеленения наблюдалось в Эссентуках и Железноводске. Нормальное водоснабжение Пятигорска объяснялось расположением в городе органов краевой власти. Ни в Кисловодске, ни в Эссентуках, ни в Железноводске не было ни такси, ни автобусов, улицы не замощены, разрушены мосты через горные речки, протекавшие по городам. Снова фундаментальным вопросом было строительство электростанций, которые могли бы обеспечить все эти города электричеством [ГАНИСК, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 10—11].

Серьезная проблема городов-курортов заключалась в однообразном питании больных. Поэтому с 1935 года местная власть поставила задачу развития пригородных хозяйств, которые обеспечивали бы курортников овощами, фруктами и молочными продуктами [ГАНИСК, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 16]. Речь шла не только о достаточном снабжении, но и о культуре торговли и обслуживания в общественных местах. Как заметил второй секретарь Северо-Кавказского крайкома партии В. М. Путинн, «то, что мы даем сегодня больным, никак хорошим отдыхом назвать нельзя» [ГАНИСК, ф. 1, оп. 1, д. 38, л. 21]. Эти слова можно сделать эпиграфом к истории курортной повседневности до начала 1930-х годов. Только после 1935 года благоустройству КМВ стали уделять специальное внимание, и пребывание на курортах больных стало более полноценным, а курортная повседневность обогатилась разнообразным культурным досугом, качественным питанием, удобным лечением.

4. Заключение = Conclusions

Курортная повседневность Кавказских Минеральных Вод менялась по мере становления советской системы 1920—1930-х годов. Она зависела от установки советских руководителей на то, что курорт — это не отдых и развлечение, как было у «буржуев», а «фабрика здоровья» для трудящихся, необходимая для того, чтобы «ремонттировать здоровье» производителей во имя работы на социализм. Вместе с тем в период нэпа отдых нэпманской буржуазии, копирующей дореволюционное «водяное общество», и пребывание высшей номенклатуры на Кавминводах отдаленно напоминали довоенные времена.

В начале 1920-х годов, несмотря на целую серию официальных решений, которые определяли общегосударственную курортную политику, разоренные, разграбленные, захламленные КМВ сохранили дух госпитального города. Переполненные города-курорты, где лечились раненые красноармейцы, жили беглые офицеры и представители «старого» общества и куда съезжались советские руководители разных масштабов, продолжали ветшать под напором этой пестрой толпы. Вначале жилищный кризис пыта-

лись решать за счет изъятия частных домов и дач, гостиниц, которые приспособивали под санатории, а в конце 1920-х годов началось активное строительство новых санаториев без существенных изменений коммунальных условий, без перспективного планирования. В этом контексте курортная повседневность больных строилась на пересечении строгих дисциплинарных норм проживания, которые не соблюдались, и убогого коммунального быта.

Только к середине 1930-х годов городская и курортная жизнь городов КМВ стала существенно меняться. Курортная повседневность приобретала черты праздничного отдыха. Однако этот процесс был прерван Великой Отечественной войной и вернулся на Кавминводы только в 1950-е годы.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. Берникова М. В. Старый Пятигорск / М. В. Берникова // Кавказские Минеральные Воды в описаниях, очерках, исследованиях за 200 лет. Антология : в 3 т. / под ред. проф. В. А. Шаповалова, проф. К. Э. Штайн. — Ставрополь : Издательство Ставропольского государственного университета, 2011. — Т. 2. — С. 167—197. — ISBN 978-5-88648-768-8.

2. ГАНИСК — Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1 — Ставропольский краевой комитет КПСС (1934—1991). Оп. 1. Д. 38 ; Ф. 5938 — Терский окружной комитет ВКП (б) (1924—1930). Оп. 1. Д. 1. Д. 3.

3. Ганштат М. И. Кавказские минеральные воды : Справочник по курортам / М. И. Ганштат. — Пятигорск : Севкавказ, 1935. — 212 с.

4. ГАСК — Государственный архив Ставропольского края. Ф. Р-2739 — Кисловодское территориальное Управление курортов, санаториев и домов отдыха Министерства здравоохранения РСФСР. Оп. 1. Д. 61. Д. 72 ; Ф. Р-1159 — Курортное бюро Железноводской группы Кавказских Минеральных Вод народного комиссариата здравоохранения. г. Железноводск. 1926—1927 гг. Оп. 1. Д. 7 ; Ф. Р-1236 — Кисловодская лечебная группа Курортного треста Кавказских Минеральных Вод Народного Комиссариата здравоохранения РСФСР г. Кисловодск июль 1929 г. — август 1931 г. Оп. 1. Д. 4. Д. 29 ; Ф. Р-2874 — Пятигорский государственный научно-исследовательский институт курортологии и физиотерапии Министерства здравоохранения РСФСР г. Пятигорск. Оп. 1. Д. 7.

5. Декрет Совета Народных Комиссаров «О лечебных местностях общегосударственного значения». 19.03.1920 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://istmat.org/node/37912> (дата обращения 21.09. 2025).

6. Заявление секретаря Воронцово-Александровского райкома ВКП(б) В. Романова в окружком ВКП(б) о предоставлении работы в городах Кавминвод // Голоса из провинции : Жители Ставрополя в 1917—1929 годах : Сборник документов. — Ставрополь : Ком. Ставропольского края по делам арх., 2009. — С. 364—365. — ISBN 978-5-88216-128-5.

7. Мамушин С. А. К вопросу об организации санаторного и амбулаторного лечения на курортах / С. А. Мамушин // Курортное дело. — 1923. — Январь. — № 1. — С. 109—115.
8. Октябрьская годовщина // Вестник агитации и пропаганды. Двухнедельный орган ЦК РКП (большевики). — 1920. — № 2. — С. 29.
9. Охрана здоровья. Курорты России. 8.625 бесплатных коек (Из беседы с зав. лечебными местностями д-ром Н. И. Тезяковым) // Вечерние известия. — 1922. — № 29. — С. 2.
10. Письмо профсоюзного работника П. В. Орлова в Ставропольский губсовпроф о предоставлении санаторной путевки. 18 августа 1922 г. // Голоса из провинции : Жители Ставрополя в 1917—1929 годах : Сборник документов. — Ставрополь : Ком. Ставропольского края по делам арх., 2009. — С. 88. — ISBN 978-5-88216-128-5.
11. Письмо секретаря Терского окружкома РКП(б) С. О. Котляра секретарю Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А. И. Микояна о расквартировании в городе Пятигорске штаба дивизии. 26 февраля 1925 г. // Голоса из провинции : Жители Ставрополя в 1917—1929 годах : Сборник документов. — Ставрополь : Ком. Ставропольского края по делам арх., 2009. — С. 594. — ISBN 978-5-88216-128-5.
12. Семашко Н. Миллионы трудящихся на отдыхе / Н. Семашко // Огонек. — 1923. — № 27. — С. 3.

Литература

1. Антипова Е. И. Организация санаторно-курортного дела органами социального страхования в период НЭПа (на материалах Уральской губернии) / Е. И. Антипова // Социум и власть. — 2012. — № 3. — С. 113—116.
2. Барышева Е. В. Праздничное убранство советских городов 1920 — 1930-х гг. / Е. В. Барышева // Уральский исторический вестник. — 2016. — № 3 (52). — С. 23—32.
3. Борисова А. В. История развития санаторно-курортного дела в России / А. В. Борисова, Ю. Ю. Иерусалимский // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2009. — № 3. — С. 31—34.
4. Владимирова С. Н. Организация санаторно-курортного лечения на Кавказских Минеральных Водах в начале XX века / С. Н. Владимирова // Вестник Поволжского института управления. — 2013. — № 6 (39). — С. 122—126.
5. Воробьева М. В. Городской советский быт : клише идеологии и реальность / М. В. Воробьев // Социокультурное развитие города : история и современность : сборник научных трудов. — Екатеринбург : Уральский институт социального образования, 2006. — С. 24—39. — ISBN 5-7186-0174-7.
6. Гуменюк А. А. Деятельность санаторно-курортных учреждений Нижнего Поволжья во второй половине 1950-х — середине 1980-х гг. как неотъемлемый атрибут советского образа жизни / А. А. Гуменюк // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2016. — № 3. — С. 42—49.
7. Динаев Р. С. Зарождение санаторного дела в Карачаево-Черкесии (1920—1930-е гг.) / Р. С. Динаев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 10. — Ч. 1. — С. 59—63.
8. Зольникова Ю. Ф. Формирование санаторно-курортного комплекса региона Кавказские Минеральные воды в 20-е годы XX века / Ю. Ф. Зольникова // Наука. Инновации. Технологии. — 2016. — № 1. — С. 121—132.

9. Кринко Е. Ф. Повседневный мир советского человека 1920—1940-х гг. : Жизнь в условиях социальных трансформаций / Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажиудинова, Т. П. Хлынина. — Ростов-на-Дону : ЮНЦ РАН, 2011. — 360 с. — ISBN 978-5-4358-0019-7.

10. Кузнецова Л. А. Гендерные аспекты курортного отдыха в СССР / Л. А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. Серия : История. — 2011. — № 3 (17). — С. 81—85.

11. Кузнецова Л. А. Дискуссии о форме и содержании советского курортного отдыха (1920-е — 1930-е гг.) / Л. А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. — 2018. — Выпуск 4 (43). — С. 98—10.

12. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города : нормы и аномалии : 1920—1930-е годы / Н. Б. Лебина. — Санкт-Петербург : Журнал «Нева», 1999. — 320 с. — ISBN 5-87516-133-7.

13. Мазур Л. Н. Право на отдых в СССР : социальный аспект реализации / Л. Н. Мазур // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII—XX веков : макро- и микропроцессы : Сб. статей. — Оренбург : Изд-во ГУ «РЦРО», 2010. — С. 184—188. — ISBN 978-5-91442-050-2.

14. Медик Х. Микроистория / Х. Медик // Thesis. — 1994. — Выпуск 4. — С. 193—202.

15. Морозов А. В. Работа Наркомздрава РСФСР и Н. А. Семашко по организации санаторно-курортной помощи населению в первые годы советской власти / А. В. Морозов // Вестник новых медицинских технологий. — 2016. — Т. 23. — № 4. — С. 246—250.

16. Орлов И. Б. Советская повседневность : исторический и социологический аспекты становления / И. Б. Орлов. — Москва : ГУ-ВШЭ, 2010. — 317 с. — ISBN 978-5-7598-0701-8.

17. Орлов И. Б. Советский курорт 1930-х годов : на «экспорт» и для внутреннего пользования / И. Б. Орлов // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2009. — № 3 — С. 25—30.

18. Соболева А. Н. Бытовая культура советских горожан в 1920—1930-е гг. / А. Н. Соболева // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. — 2018. — № 3. — С. 20—25. — DOI: 10.18101/2305-753X-2018-3-20-25.

*Статья поступила в редакцию 05.08.2025,
одобрена после рецензирования 06.01.2026,
подготовлена к публикации 31.01.2026.*

Material resources

A letter from a trade union worker P. V. Orlov to the Stavropol Gubernatorial Committee on the provision of a sanatorium permit. August 18, 1922. In: *Voices from the province: Residents of Stavropol in 1917—1929: A collection of documents*. Stavropol: Com. Stavropol Territory on the affairs of the arch. P. 88. ISBN 978-5-88216-128-5. (In Russ.).

Bernikova, M. V. (2011). Old Pyatigorsk. In: *Caucasian Mineral Waters in descriptions, essays, and studies for 200 years. Anthology: in 3 volumes, 2*. Stavropol: Stavropol State University Publishing House. 167—197. ISBN 978-5-88648-768-8. (In Russ.).

Decree of the Council of People's Commissars "On medical areas of national importance". 19.03.1920. Available at: <https://istmat.org/node/37912> (accessed 21.09.2025). (In Russ.).

- GANISK — *State Archive of the Modern History of the Stavropol Territory. F. 1 — Stavropol Regional Committee of the CPSU (1934—1991). Op. 1. D. 38; F. 5938 — Tersk District Committee of the CPSU (b) (1924—1930). Op. 1. D. 1. D. 3.* (In Russ.).
- Ganstak, M. I. (1935). *Caucasian mineral waters: A guide to resorts.* Pyatigorsk: Sevkvavgiz. 212 p. (In Russ.).
- GASK — *State Archive of the Stavropol Territory. F. R-2739 — Kislovodsk territorial Administration of resorts, sanatoriums and rest homes of the Ministry of Health of the RSFSR. Op. 1. 61. 72; F. R-1159 — The Resort Bureau of the Zheleznovodsk group of Caucasian Mineral Waters of the People's Commissariat of Health. Zheleznovodsk. 1926—1927 Op. 1. 7; F. R-1236 — Kislovodsk medical group of the Resort Trust of the Caucasian Mineral Waters of the People's Commissariat of Health of the RSFSR, Kislovodsk July 1929 — August 1931 Op. 1. 4. 29; F. R-2874 — Pyatigorsk State Scientific Research Institute of Balneology and Physiotherapy of the Ministry of Health of the RSFSR, Pyatigorsk. Op. 1. D. 7.* (In Russ.).
- Health protection. Resorts in Russia. 8,625 free beds (From a conversation with the head of the by Dr. N. I. Tezyakov). (1922). *Evening News*, 29: P. 2. (In Russ.).
- Letter from the secretary of the Tersk district Committee of the Russian Communist Party (b) S. O. Kotlyar to the secretary of the North Caucasian Regional Committee of the Russian Communist Party (b) A. I. Mikoyan on the deployment of the division headquarters in the city of Pyatigorsk. February 26, 1925. In: *Voices from the province: Residents of Stavropol in 1917—1929: A collection of documents.* Stavropol: Com. Stavropol Territory on the affairs of the arch. P. 594. ISBN 978-5-88216-128-5. (In Russ.).
- Mamushin, S. A. (1923). On the organization of sanatorium and outpatient treatment at resorts. *Resort business, 1*: 109—115. (In Russ.).
- Semashko, N. (1923). Millions of workers on vacation. *Ogonek*, 27: P. 3. (In Russ.).
- The October anniversary. (1920). *Bulletin of agitation and propaganda. The fortnightly organ of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks)*, 2: S. 29. (In Russ.).
- The statement of the secretary of the Vorontsovo-Alexandrovsky district committee of the CPSU(b) V. Romanov in the district committee of the CPSU(b) on the provision of work in the cities of Kavminvod. In: *Voices from the province: Residents of Stavropol in 1917—1929: A collection of documents.* Stavropol: Com. Stavropol Territory on the affairs of the arch. 364—365. ISBN 978-5-88216-128-5. (In Russ.).

References

- Antipova, E. I. (2012). Organization of sanatorium-resort business by social insurance authorities during the NEP period (based on the materials of the Ural province). *Society and power*, 3: 113—116. (In Russ.).
- Barysheva, E. V. (2016). Festive decoration of Soviet cities of the 1920s — 1930s. *Ural Historical Bulletin*, 3 (52): 23—32. (In Russ.).
- Borisova, A. V., Jerusalem, Yu. Y. (2009). The history of the development of sanatorium-resort business in Russia. *Modern problems of service and tourism*, 3: 31—34. (In Russ.).
- Dinaev, R. S. (2017). The origin of sanatorium business in Karachay-Cherkessia (1920—1930s). Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. *Questions of theory and practice*, 10 (1): 59—63. (In Russ.).
- Gumenyuk, A. A. (2016). The activity of sanatorium-resort institutions of the Lower Volga region in the second half of the 1950s — mid—1980s as an integral attribute

- of the Soviet way of life. *Bulletin of the Samara University. History, pedagogy, philology*, 3: 42—49. (In Russ.).
- Krinko, E. F., Tazhidinova, I. G., Khlynina, T. P. (2011). *The everyday world of the Soviet man of the 1920s and 1940s: Life in conditions of social transformations*. Rostov-on-Don: YUNTS RAS. 360 p. ISBN 978-5-4358-0019-7. (In Russ.).
- Kuznetsova, L. A. (2011). Gender aspects of resort recreation in the USSR. *Bulletin of Perm University. Series: History*, 3 (17): 81—85. (In Russ.).
- Kuznetsova, L. A. (2018). Discussions about the form and content of Soviet resort holidays (1920s — 1930s). *Bulletin of Perm University*, 4 (43): 98—10. (In Russ.).
- Lebina, N. B. (1999). *Everyday life of the Soviet city: norms and anomalies: the 1920s and 1930s*. Saint Petersburg: Neva Magazine. 320 p. ISBN 5-87516-133-7. (In Russ.).
- Mazur, L. N. (2010). The right to rest in the USSR: a social aspect of implementation. In: *The agrarian sphere in the context of Russian modernization of the XVIII—XX centuries: macro- and micro-processes: Collection of articles*. Orenburg: Publishing House of the State Institution “RCRO”. 184—188. ISBN 978-5-91442-050-2. (In Russ.).
- Medik, H. (1994). *Microhistory. Thesis*, 4: 193—202. (In Russ.).
- Morozov, A. V. (2016). The work of the People’s Commissariat of Health of the RSFSR and N. A. Semashko on the organization of sanatorium-resort assistance to the population in the early years of Soviet power. *Bulletin of new medical technologies*, 23 (4): 246—250. (In Russ.).
- Orlov, I. B. (2009). The Soviet resort of the 1930s: for “export” and for domestic use. *Modern problems of service and tourism*, 3: 25—30. (In Russ.).
- Orlov, I. B. (2010). *Soviet everyday life: historical and sociological aspects of its formation*. Moscow: Higher School of Economics. 317 p. ISBN 978-5-7598-0701-8. (In Russ.).
- Soboleva, A. N. (2018). Household culture of Soviet citizens in the 1920s and 1930s. *Bulletin of the Buryat State University. Humanitarian Studies of Inner Asia*, 3: 20—25. DOI: 10.18101/2305-753X-2018-3-20-25. (In Russ.).
- Vladimirova, S. N. (2013). The organization of sanatorium-resort treatment in the Caucasian Mineral Waters at the beginning of the XX century. *Bulletin of the Volga Institute of Management*, 6 (39): 122—126. (In Russ.).
- Vorobyova, M. V. (2006). Urban Soviet life: cliches of ideology and reality. In: *Socio-cultural development of the city: history and modernity: collection of scientific papers*. Yekaterinburg: Ural Institute of Social Education. 24—39. ISBN 5-7186-0174-7. (In Russ.).
- Zolnikova, Yu. F. (2016). Formation of the sanatorium-resort complex of the Caucasian Mineral Waters region in the 20s of the twentieth century. *Science. Innovation. Technologies*, 1: 121—132. (In Russ.).

*The article was submitted 05.08.2025;
approved after reviewing 06.01.2026;
accepted for publication 31.01.2026.*